

С сайта:

<http://ruwest.ru/interview/3030/>

БОРОДИН ДМИТРИЙ АНДРЕЕВИЧ

"Даже запах табака мог выдать разведчика"

В 68-ю годовщину штурма города-крепости Кенигсберг корреспондент Русского Запада встретился с уникальным ветераном: в годы Великой Отечественной войны Дмитрий Бородин воевал и в воздухе, и на суше. С 1942 по 1945 гг. он успел побывать и снайпером, и пулеметчиком, и авиационным механиком, и разведчиком, и писарем. Русский запад повторяет истории, рассказанные ветеранами накануне

- Дмитрий Андреевич, как вы попали на фронт?

Дмитрий Бородин:

- Я попал туда почти по недоразумению. В 1941 году мне было 17 лет, и я еще не попадал под призыв. Но в сельсовете произошла какая-то путаница с документами. На призывной пункт меня, плача, провожала мать. Таким образом я оказался в Гороховецких лагерях на стрелково-пехотных курсах. Обучали нас недолго. Наша рота, едва подготовленная, прибыла для укрепления обороны Москвы на Серпуховском направлении.

- Как вы спасались от холода во время битвы под Москвой?

- Меня спасло то, что я был родом из деревни. Я и другие солдаты валяли себе валенки прямо в окопах. В тех условиях это была единственно возможная обувь. Однако, там мне почти не довелось поводить. Через месяц, в октябре 1941 года, меня послали на учебу в Яновскую авиатехническую школу в Кировской области.

- Так началась ваша служба в воздухе?

- В июне 1942 года я стал сержантом и был направлен на стажировку в один из запасных авиационных полков. А через три месяца направили в действующую армию. Сначала я был мотористом, а потом стал авиационным механиком эскадрильи. Это было как раз во время Сталинградской битвы и сражений на Курской дуге. Позже я не один раз бывал на боевых делах на левом фланге Западного фронта. В апреле 1944 года я получил ранение и очутился в госпитале.

ИЗ ПИСАРЕЙ ПОПАЛ В РАЗВЕДЧИКИ

- Как после этого события вы оказались в Кенигсберге?

- По выздоровлении кто-то из начальства заметил, что у меня хороший почерк. Так я стал писарем запасного стрелкового полка на 2-м Белорусском фронте. Но я не выдержал и трех месяцев такой службы и постоянно просился на фронт. Таким образом, я оказался в разведывательном взводе 68-го стрелкового полка 70-й стрелковой дивизии. Немаловажную роль тут сыграл мой рост - больше двух метров. В разведчики брали именно высоких. В составе этого полка я и дошел до Восточной Пруссии. Так что благодаря высокому росту и ранению я оказался в Кенигсберге. Еще было важно не иметь дурных привычек. Один только запах табака мог выдать разведчика.

НЕМЦЫ БЫЛИ БОЛЕЕ СПЛОЧЕННЫМИ, ЧЕМ НАШИ

- Расскажите, пожалуйста, о том, как вы ловили "языков" уже тут, в Кенигсберге.

- Поймать именно нужного "языка" было непросто. Ведь паренек, только вчера пришедший на фронт, знает о противнике гораздо меньше, чем мы. Мы можем знать о новейшем немецком автомате, а он впервые слышит... от нас. Но несколько раз нам повезло. Более двух суток мы продвигались в сторону фронта, наблюдая за происходящим, и, наконец, проникли к фронтовому валу. Это было большое везение. Со стороны немцев доносились пьяные возгласы и музыка. Немцы нередко останавливались на хуторах, и хозяева угощали их шнапсом и хорошей пищей. Стоит отметить, немцы были очень сплоченные и доверяли друг другу. К сожалению, в наших рядах так было далеко не всегда. В этот раз в гарнизоне праздновался день рождения командира. И вместо рядового часового к валу вышел тыловой обер-лейтенант из охраны форта. Он и стал нашим "языком". Когда фашисты поняли, что произошло, на нас обрушился шквал огня. Мне пришлось закрыть ценного пленного своим телом. Тогда я получил осколочные ранения в ногу.

- Эта жертва оказалась не напрасной?

- "Язык" был обер-лейтенантом, прослужившим на фортах "Король Фридрих Вильгельм III" и "Лендорф" около шести лет. Он оказался очень разговорчивым и ценным. Теперь артиллеристы знали, куда посылать свои снаряды. В итоге форт был разрушен почти наполовину. Дело довершили бойцы во время штурма города.

- Как вы расквартировались в городе?

- Когда мы уже вошли в город, авиация продолжала бомбежки. И приходилось скрываться от снарядов. Кстати, я поселился на том же месте, где живу до сих пор. В отстраивании этого дома я участвовал после войны.

- Как сложилась ваша жизнь после войны? Как я понимаю, вы не демобилизовались?

- Нельзя сказать, что война завершилась 9 мая. Я был направлен на войну с бандитскими националистическими формированиями в соседней Литве, далее - на учебу в офицерскую школу органов НКВД (ныне - Школа милиции).

Там я стал младшим лейтенантом милиции. Новый советский город нуждался в порядке. Помимо законопослушных переселенцев, сюда приезжали преступники, убивающие и грабящие.

Были даже случаи убийства детей. Только в 1964 году я ушел в отставку. Но мне не сиделось спокойно.

Еще двадцать пять лет я ходил по морям и океанам как моторист, а потом - как механик плавбазы. Не один раз я бывал на Кубе и трижды здоровался за руку с Раулем и Фиделем Кастро. Таким образом, я побывал и на суше, и в воздухе, и на море. В 2002 году по настоянию врачей я вышел на пенсию.

Говорить о своих наградах Дмитрий Андреевич не любит. Не хочет хвастаться. А их, заслуженных потом и кровью, у него немало. Среди них: орден Отечественной войны I степени, медали "За отвагу", "За взятие Кенигсберга", "За боевые заслуги", "За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг."

Ветеран по сей день ведет активную жизнь. С удовольствием общается с детьми и молодежью, часто посещает школы города и войсковые части.

В 2011 году Дмитрий Андреевич лично участвовал в параде Победы на Красной площади в Москве.

© Ольга Шумакова, специально для Русского Запада.